

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

ЖИТЬ НЕПРЕРЫВНО ПОЛНОТОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Записи выступлений Давиде Проспери
и о. Хулиана Каррона на Дне начала года СЛ.
Медиоланум Форум, Ассаго (Милан),
1 октября 2011 г.

**ЗАПИСИ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДАВИДЕ ПРОСПЕРИ
И О. ХУЛИАНА КАРРОНА НА ДНЕ НАЧАЛА ГОДА СЛ
МЕДИОЛАНУМ ФОРУМ, АССАГО (МИЛАН), 1 ОКТЯБРЯ 2011 г.**

О. ХУЛИАН КАРРОН

Каждое начало несет в себе ожидание. Чем больше мы признаем, какова природа нашего ожидания, тем скорее понимаем, что в конечном итоге не можем на него ответить сами. Поэтому ожидание зрелого человека становится просьбой, просьбой к Тому Единственному, Кто действительно способен ответить на наше ожидание во всей его полноте. Поэтому, замечая, как бьется в нас это ожидание, в начале встречи просим Святого Духа – Единственного, Кто в состоянии нам ответить.

Снизойди, Дух Святой

ДАВИДЕ ПРОСПЕРИ

Зададимся вопросом: ради чего мы встречаемся сегодня (здесь, в Милане, или с помощью спутниковой связи в других городах Италии и мира) и снова вместе начинаем год? Сегодня нам это необходимо как никогда ранее. Мы нуждаемся в том, чтобы напомнить друг другу причины, ради которых стоит продолжать путь, потому что мы погружены в атмосферу всеобщего смятения – в социуме, в политике; мы подвержены влиянию экономического кризиса и кризиса рабочих мест, что грозит целому народу невозможностью смотреть в будущее с надеждой. И мы здесь, чтобы сказать друг другу, ради чего стоит возобновлять наш путь.

Выступая на прошлой неделе перед немецким Парламентом в рамках поездки в Германию, Папа однозначно и радикально поставил вопрос о том, что значит сегодня стоять перед насущной задачей обеспечения блага для народа: «Необходимо снова распахнуть окна, вновь увидеть широту мира, небо и землю, и научиться правильно все это использовать» (*Бенедикт XVI. Выступление в Федеральном Парламенте. Берлин, 22 сентября 2011 г.*). Но как это осуществить? Как нам найти вход в эту широту, во всеохватность? Как разум может вновь обрести собственное величие, не впадая в иррациональное?

26 января на презентации «Религиозного чувства» Хулиан Каррон бросил Движению вызов, который в течение целого года сопровождал нас: религиозное чувство как проверка веры. Другими словами, может ли вера, проживаемая как суждение о реальности, пробудить полноту человечности, разум, способный выдержать натиск нашего времени, в котором, как сказал Папа, господствуют позитивистские представления?

Эта гипотеза подверглась проверке на выборах, состоявшихся прошлой весной. Но еще до выборов задуматься о ней нас заставил документ «Историю меняют те же силы, благодаря которым изменяется сердце человека». Поначалу кому-то показалось, что мы чего-то недоговариваем, словно боимся открытого противостояния, довольствуясь некими отвлеченными рассуждениями. И хорошо, что так произошло, поскольку это заставило нас всерьез задаться вопро-

сом, насколько наши объяснения позволяли бросать вызов миру. В самом деле, нам пришлось вникнуть в самую суть. И мы не стали искать отходных путей, а решили проверить, обладает ли то, что мы отстаиваем (а это не еще одна политическая партия, это опыт, «то, что всего дороже для нас»), объяснительной силой. Необходимо было осознать, достаточно ли нашего подхода к вещам, чтобы предлагать другим ту изначальную позицию, которая позволяет нам самим полностью переживать ситуацию выборов. Мы должны были понять, нужно ли добавлять что-то еще, какой-либо дополнительный критерий, другую

стратегию. Но если бы мы добавили дополнительный критерий (скажем, «политический» – или более «политический», чем тот, который у нас был), то в какой-то момент нам пришлось бы выбирать, потому что рано или поздно один из критериев должен возобладать.

Итак, вопрос в следующем: может ли христианский опыт обуславливать некоторую устойчивую позицию и целостное суждение о реальности или нет? Мы решили принять на себя этот вызов. Результат проявился на

**Может ли вера,
проживаемая как суждение
о реальности, пробудить
полноту человечности,
разум, способный
выдержать натиск нашего
времени, в котором, как
сказал Папа, господствуют
позитивистские
представления?**

Офис вечером. 1940

«Митинге», где для всех стала очевидной несводимость нашей позиции к политике или чему бы то ни было еще. После «Митинга» это признали даже некоторые светские издания, пусть и не до конца понимая, откуда рождается такая позиция. К примеру, Микеле Змарджасси написал в газете «Ла Република» от 26 августа: «Может быть, стоит окончательно и бесповоротно отказаться от вопроса – ежегодного хита летнего сезона: “За кого CL”? CL всегда было и остается за CL» (*Noi, il popolo di Dio. La Repubblica, 26 agosto 2011, p. 37*). И мы благодарны ему за это. Несводимость ни к чему другому не входит в нашу стратегию, а рождается из суждения о том, кем мы являемся, и это дает нам свободу, а следовательно, и авторитет. Паоло Франки, колумнист из «Коррьере делла Сера», 29 августа написал на сайте ilsussidiario.net: «“Митинг” имеет длительную и уже

устоявшуюся традицию открытости, уверенности в себе <...> В то время, когда кажется, что ведется постоянная борьба – все против всех – борьба столь же озлобленная, сколь и непродуктивная, в центре “Митинга” находился поиск того, что можно и нужно делать вместе, причем никто не должен был отказываться от самого дорогого для себя; напротив, делалось все, чтобы каждый мог в своей истории и культуре отыскать и по достоинству оценить лучшую часть – наименее преходящую, наиболее живую» (*Io, relativista, vi spiego perché ho sbagliato a non andare a Rimini. ilsussidiario.net, 29 agosto 2011*). И это говорим не мы.

В этом году «Митинг» обозначил новый шаг. В ситуации полного замешательства, когда вокруг только жалуются (и мы не слышим ни одного суждения, всеяющего надежду), все ожидали приехать в Римини >>

» и встретить то же смятение, ту же неуверенность, которые царят повсюду в мире; кого-то, вероятно, интересовало, какую власть мы при этом изберем своей опорой. Ведь по сути только таких вопросов и можно ожидать вне того миропонимания, о котором мы говорим. Но они были поражены, поскольку увидели иное суждение, опыт уверенности, который не определяется обстоятельствами – хорошими или плохими, а является плодом некоей изначальной позиции по отношению к реальности. Это было очевидно в разных ситуациях. Слово «экюменизм» обрело новый смысл в дружбе, родившейся между людьми различных вероисповеданий, которые признали, что увиденный ими опыт (вспомним, что в октябре 2010 года состоялся первый «Митинг» в Каире) обладает воспитательной силой, равной для всех. Так, например, ректор египетского университета Аль-Азар обратился к Альберто Саворане с просьбой пригласить в Италию студентов из Египта, чтобы они могли познакомиться с опытом, из которого возникает «Митинг». Философы Константино Эспозито и Фабрис Аджадж показали, как христианский опыт отвечает на драму современной мысли. Вспомним также встречу под названием «Объединенная Италия: история народа в пути» с Джулиано Амато, Мартой Картабийей и Марией Боччи. Вдумаемся в слова Серджи Маркьонне, который в этом году дважды приезжал на «Митинг», после чего в эфире произнес: «Меня интересует, что за люди здесь находятся. Это настоящие люди, они действуют. Просто действуют. В стране, где много говорят, они действуют. Сюда хочется приезжать» (*Интервью, данное TgMeeting, 24 августа 2011 г.*). И мы видели таких людей: на парковках, на кухнях у плит, на выставках – в том числе и на той, что была посвящена 150-летию объединения Италии. Они смотрят в будущее с надеждой; они видят, в каком мире живут, и все же в них есть большое желание строить, потому что существует живой опыт – более позитивный, чем весь негатив, который они встречают вокруг. И мы должны смотреть на это. По большому счету в этом и заключается пожелание, с которым обратился к нам президент Наполетано на открытии «Митинга»: «Несите в наше смутное время дух уверенности». Наша задача не в том, чтобы все думали как мы, а в том, чтобы этот дух уверенности заражал других.

**Разум, способный
признавать реальность
во всей ее глубине,
рождается и обретает
плоть в христианском
событии. Именно с силу
этого события разум
в полноте осуществляет
свою природу –
распахнутость
откровению Бога**

Недавно Каррон, анализируя перечисленные факты, сказал нам: «Когда такие происшествия становятся присутствием и вызывают любопытство? Когда они выявляют в реальности присутствие чего-то необъяснимого: Тайны. Мы становимся интересны кому-либо, когда в реальности проявляется нечто ее превосходящее, – что и привлекает нас на самом деле». Тайна как присутствующая реальность, несмотря на свою неизмеримость, и даже в силу того, что она превосходит нашу меру, в полноте осуществляет отношение разума с реальностью.

Позвольте рассказать об одном происшествии этого лета, которое прояснило для меня то, о чем мы говорим. На прогулке в горах мы продвигались по очень открытому участку. Вдруг тропу перерезала трещина шириной чуть более полуметра, которая уходила глубоко вниз. Я видел, как передо мной преодолевали сложный отрезок пути мужчина и двое ребят. Первый мальчик отправился вслед за взрослым, второй же остановился на месте и не мог идти дальше. Сначала я подумал, что дело в каких-то психологических различиях между детьми – один был более уверенным. Но потом я узнал, что первый ребенок – сын того мужчины, а другой – просто знакомый. И тогда ситуация прояснилась. Для второго мальчика реальность сводилась к трещине, ведущей в пропасть, перед ним была только «проблема», требующая преодоления, и он не знал, хватит ли у него на это сил. Потому и остановился. Для первого же реальность включала и трещину, и отца, который был с ним и уже прошел через трудный участок, – обе эти составляющие. Есть точка привязанности, некое Присутствие, господствующее над реальностью; если разум не признает этого Присутствия, то реальность сужается и разум останавливается на месте.

Итак, свободный разум, способный предстоять перед реальностью, – это разум, опирающийся на привязанность. Откуда же у разума появляется та уверенность, которую все мы видели в Римини и которую признали даже те, кто далек от нашего опыта? Очевидно, речь не об уверенности в себе, не о том, чтобы жить в самодостаточности. Напротив, уверенность – это привязанность к истине, и только такая уверенность может сделать нас свободными от любой власти.

Итак, если то, в чем мы нуждаемся, чтобы жить (равно как нуждаемся в воздухе, чтобы дышать), – это разум, способный признавать реальность во всей ее глубине, то как рождается и как реализуется такой разум?

О. Хулиан Каррон

1. «СМОТРЕТЬ НА ВЕЩИ КАК НА ПРИСУТСТВИЕ»

Разум, способный признавать реальность во всей ее глубине, рождается и обретает плоть в христианском событии. Именно с силу этого события разум в полноте осуществляет свою природу – распахнутость откровению Бога. Поэтому отец Джуссани говорит, что «проблема познания» содержится в евангельском эпизоде, рассказывающем об Иоанне и Андрее (*Л. Джуссани. Можно ли жить так? М.: Духовная библиотека, 2007. С. 238*).

И поэтому же 26 января я начал презентацию книги «Религиозное чувство» со слов о том, что «сердцевина нашего предложения <...> – это радостная весть о совершившемся событии, которое и сейчас настагает людей таким же образом, как две тысячи лет назад весть ангелов в Вифлееме настигла бедных пастухов. Радостная весть о совершившемся событии, предшествующем всякому делению людей на проникнутых религиозным чувством или не проникнутых» (*L. Giussani, Un avvenimento di vita, cioè una storia, Edit-Il Sabato, Roma/Milano 1993, p. 38*). Как мы ощущаем, что это событие вошло в нашу жизнь? «Событие возрождает или усиливает изначальное чувство зависимости и укрепляет в человеке то ядро очевидных данностей, которое мы называем “религиозным чувством”» (*Там же*).

Именно так христианское событие делает человека человеком: оно усиливает в нем способность жить согласно присущим ему очевидным данностям, наполняет изумлением перед лицом сущего, позволяет переживать реальность в ее истине и пользоваться разумом в соответствии с его истинной природой – распахнутостью полноте бытия. Как недавно говорил Папа в Германии, только «разум, открытый языку бытия» (*Бе-*

недикт XVI. Выступление в Федеральном Парламенте. Берлин, 22 сентября 2011 г.), способен достичь реальности, не запутываясь в сетях интерпретаций, лишь добавляющих неуверенности, – картина, которую мы сегодня видим во всех областях жизни.

Поэтому можно было бы ожидать, что мы, переживающие христианское событие в общине, будем с большей легкостью замечать в собственном опыте, как перед лицом бытия вещей становимся более уязвимыми и способными сильнее удивляться; ведь именно в отношении с реальностью – с женой и детьми, с коллегами и обстоятельствами, с солнцем и звездами – мы проверяем свою веру. Если реальность действительно затрагивает каждого человека, нам должно быть легче, чем другим, пото-

му что нас пробудила христианская встреча – и теперь реальность больше говорит с нами, сильнее нас поражает.

Но все мы знаем, насколько часто это не так. И отец Джуссани помогает нам определить, в чем проблема. Обращаясь к священникам из *Studium Christi* в 1995 году, он говорил: «Вопрос в том, каков фактор, лежащий в основе всего сущего; и первое слово, которым определяется все сущее, – это слово “присутствие”. Но мы

Чоп Сью. 1929

не привыкли видеть присутствие в листке, в цветке, в человеке, – мы не привыкли смотреть на явленные нам вещи как на присутствие. Мы в этом поверхностны». И он говорит это нам – тем, кто встретил Христа и чье «я» пробудилось во встрече с Ним. Все мы можем приложить слова отца Джуссани к себе и убедиться, насколько он прав; для этого достаточно просто вспомнить сегодняшний день: заметили ли мы сегодня вещи именно как присутствие?

Не осознавать существующие вещи как присутствие не значит отрицать их. Мы можем принимать и признавать их – еще бы! – но продолжать относиться к ним как к само собой разумеющимся. Отец Джуссани абсолютно прав: «Мы не привыкли смотреть на существующие вещи как на присутствие» – идет ли речь о реальности, о муже или жене, или даже о нас самих. ►►

» Он должен был заметить в нас что-то, если, наблюдая за нашей реакцией на письмо Братству от 23 июня 2003 г., полностью посвященное теме Бытия, сказал: «В эти дни мне пришлось признать, что ни в ком из вас не бьется пульс Бытия!» Недавно Папа очертил последствия такой позиции: «Сегодня большинство людей, в том числе и христиан, воспринимает Бога как нечто само собой разумеющееся» (*Бенедикт XVI. Встреча с представителями Евангелической Церкви Германии. Эрфурт, 23 сентября 2011 г.*).

Прочитаю письмо одного студента из Рима, очень просто и ясно выражающее проблему, о которой идет речь.

«В ноябре прошлого года я попал в аварию, из-за чего больше трех месяцев провел в постели. Было очень тяжело. Я не мог двигаться и что-либо делать, я даже не мог учиться, потому что лекарства, которые я принимал, отнимали у меня способность концентрироваться. Три месяца мне пришлось пролежать неподвижно. Но я помню, что через пару месяцев после того, как я уже начал ходить, мне попалась фотография: я в постели, а вокруг сидят мои друзья. Тогда я подошел к маме и сказал:

“Смотри, какой хороший снимок! Если вдуматься, действительно прекрасный был период!” Оглядываясь назад, могу сказать, что и в невыносимости неподвижного лежания в кровати, и в навязчивой идее как можно скорее подняться на ноги было что-то, не позволявшее чувствовать себя несчастным; напротив, в конечном счете меня наполняла радость.

Этому имелось две причины. Первая заключалась в том, что в болезни меня постоянно кто-то поддерживал, свободно и бескорыстно, – друзья, которые неустанно отдавали мне свое время, и родители, постоянно напоминавшие, чтобы я жертвовал Господу усталость и боль. Я замечал, что все вокруг посвящают себя мне: целиком и в деталях. Вторая причина – то, что даже мелочи переставали быть самоочевидными. Я удивлялся тарелке макарон, приготовленных чуть

иначе, чем обычно, удивлялся людям вокруг меня и тому, что по вечерам мои сестры ставили рядом с кроватью судно, даже если я забывал их об этом попросить. А однажды утром, когда меня везли в больницу на процедуры, я удивился, увидев небо. Я и раньше знал, что небо существует, но вдруг заметил, что оно есть и находится передо мной. [Когда человек впервые отдает себе в этом отчет, он понимает, как часто смотрел на небо не как на что-то присутствующее.] Я ничего не делал, ничего не мог делать, и все же, несмотря на боль и нетерпение, не чувствовал себя несчастным. Все вещи я воспринимал в силу ценности, которую они имели, ничто не было самоочевидным. И, признавая ценность вещей, я ощущал, как меня наполняет радость.

С тех пор, как я вновь начал ходить, прошло уже четыре месяца, и я замечаю, что прежняя острота в отношении с вещами притупилась: тарелка макарон, приготовленных чуть иначе, чем обычно, вновь стала просто тарелкой макарон; я опять смотрю на вещи сквозь призму своей меры и своего удовольствия... Какой путь поможет мне вновь переживать прежний опыт?»

Каждый из нас легко узнает себя в этой ситуации: если мы не

ощущаем, как в нас постоянно бьется пульс бытия, реальность опять становится плоской, и внутри нас все настойчивее звучит вопрос: какой путь поможет обрести состояние, позволяющее непрерывно переживать описанный опыт?

Чтобы ответить, нужно понять, почему с нами так происходит. Почему, пережив однажды то, о чем рассказывает наш друг из Рима, мы опять воспринимаем все как само собой разумеющееся и ничему более не удивляемся? Отец Джуссани выделил две причины во время встречи со студентами, запись которой опубликована в книге «То, что всего дороже для нас» (*L. Giussani, C'è che abbiamo di più caro. 1988-1989. BUR, Milano, 2011*).

1. Это происходит, – говорит он, – по вине слабого разума, который из-за суженного его применения не

Комната в Нью-Йорке. 1932

улавливает присутствия существующих вещей и воспринимает их как самоочевидные. Именно непрочный разум является причиной того, что реальность не захватывает и не поражает нас. И это ведет к неизбежному следствию.

2. Образуется разрыв между признанием и привязанностью, между тем, чтобы признать, и тем, чтобы привязаться к признанному; «я» разрывается между признанием (которое остается абстрактным) и привязанностью (которая колеблется). Поскольку разум не достигает реальности, привязанность, не находя опоры, остается шаткой, и ничто не захватывает нас.

Отец Джуссани приводит следующий пример. «Петрарка, живший на заре Нового времени, допускал все содержание христианской доктрины – еще бы, он ощущал его даже лучше нас! – но его чувственность, или привязанность, на это содержание не опиралась» (*L. Giussani*).

Ciò che abbiamo di più caro. 1988-1989. Bur, Milano, 2011, p. 156).

Одного только признания христианской доктрины не достаточно, чтобы оно повлекло за собой привязанность и чтобы родилось то единство разума и привязанности, без которого невозможно познание, а «я» остается раздробленным. Можно утверждать содержание христианского учения (или существование неба) как некоторое абстрактное *a priori*, но тогда мы не отрываемся на бытие чего-то вне нас, не привязываемся к чему-то вне нас – и что-то вне нас не освобождает нас от самих себя и от нашей меры. Речь о том «истощении человечности», ведущем к замешательству, потерянности, смятению, – и мы все постоянно погружены в эту атмосферу. Мы словно щепки, увлекаемые водоворотом мнений и состояний души; мы неспособны опереться на какое-то реальное присутствие. Это истощение не лечится преумножением соответствующих ситуации слов; здесь необходимо приучать разум к распахнутости «языку бытия».

Об этой распахнутости хорошо повествует один эпизод из жизни отца Джуссани, всегда меня поражавший. В письме к Анджело Майо он говорит о том, что видит в человеке, который является ему другом: «Недавно вечером, размышляя, я осознал, что единственный мой друг – это ты». Почему он считает его своим другом? «Потому что, – читаем мы дальше, – необъяснимое и

глубинное биение, возникающее во мне перед лицом вещей и людей я не улавливаю больше ни в ком, кроме тебя» (*Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo, San Paolo, Cinisello Balsamo-Mi, 2007, p. 103*). Что выбирает отец Джуссани из списка характеристик, которыми можно было бы описать друга? Это поразительно: не высокие рассуждения, не умение проникать в мысли собеседника, не следование этическим принципам, достойное восхищения, а «необъяснимое и глубинное биение перед лицом вещей». Становится ясно, почему отец Джуссани говорит – как о самой большой проблеме – о том, что мы не привыкли смотреть на листок как на присутствие, вглядываться в вещи как в присутствие. При этом мы

вовсе не отрицаем существования вещей. Но принимаем их как нечто само собой разумеющееся. И вот результат: нас ни на миг не охватывает изумление. Это не значит, что мы что-то сделали неверно; мы просто не уловили пульса бытия, бьющегося в нас. Все мы знаем, насколько невыносимой может стать жизнь, лишенная изумления.

И тогда мы начинаем ощущать острую потребность в том, чтобы для нас стало привычным вглядываться в вещи как в присутствие – и чувствовать, как бьется от этого наше «я», в каких бы обстоятельствах мы ни находились. И проблема здесь не в вещах – вещи на самом деле присутствуют, а в таком «я», которое сможет осознать то, что есть. Эта проблема свидетельствует о влиянии, которое оказывает на нас по-

всеместная атмосфера рационализма, – и влияние это намного сильнее, чем кажется. Мы можем судить о нем по тому, как трудно нам принять реальность согласно ее природе. Сегодня господствует позитивистское мировоззрение – в новых своих изводах. Но Папа недавно напомнил нам, что «позитивистское видение мира <...> не является той культурой, которая соответствует человеку и достаточна для того, чтобы он мог осуществить себя в полноте. Там, где позитивистское мировоззрение считает себя единственной достаточной культурой, отводя другим культурным реальностям место субкультур, оно умаляет человека, и даже более того – угрожает его человечности» (*Бенедикт XVI. Выступление в Федеральном Парламенте. Берлин, 22 сентября 2011 г.*).

Поэтому во второй главе «Религиозного чувства» отец Джуссани ясно очертил нашу задачу: «Про- ►►

**Мы не привыкли
смотреть на листок как на
присутствие, вглядываться
в вещи как в присутствие.
При этом мы вовсе не
отрицаем существования
вещей. Но мы принимаем
их как нечто само собой
разумеющееся. Все
мы знаем, насколько
невыносимой может
стать жизнь, лишенная
изумления**

» блема, действительно представляющая интерес для человека, – это не логика (захватывающая игра), не доказательство (любопытный факт); проблема, интересная для человека, – войти в реальность, то есть осознать ее. Следовательно, это необходимость (нечто вынуждающее), а не обязанность. То, что мать любит сына, не есть результат логических операций; это нечто очевидное, достоверное, это призыв реальности, которая таким образом вынуждает признать свое существование» (Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 18. Далее издание обозначается сокращенно: *Религиозное чувство*). Только очевидность реальности может обладать такой вынуждающей силой, которая заставляет нас признать вещи как присутствие.

Упрощает ли вера признание реальности? Ни один текст не поможет нам ответить на этот вопрос лучше, чем десятая глава «Религиозного чувства», с которой мы возобновим наш путь. В ней содержится описание того, что происходит в человеке, когда реальность ставит его перед фактом своего присутствия. Осознавая, что мы живем в эпоху идеологий (рационализма, позитивизма), которые ведут нас к неполному использованию разума, а значит, приучают смотреть на действительность, не доходя до ее глубины, отец Джуссани с самого начала постулирует методологический принцип борьбы с идеологией: исходить из опыта. Потому что реальность, как он всегда учил нас, становится прозрачной в опыте. Этот принцип, описанный в первой главе «Религиозного чувства», является основополагающим при подходе к десятой главе, ключевой во всей книге, которую сам отец Джуссани охарактеризовал как «основу нашего миропонимания» (Цит. по: *Un uomo nuovo. Tracce-Litterae Communionis*, n. 3, marzo 1999, p. IX).

С первых же фраз он предлагает нам посмотреть, как устроена наша реакция на реальность, чтобы не оставаться в рамках идеологии. И далее говорит, что значит прослеживать вызов реальности вплоть до его истоков, не останавливаясь на полдороги. Таким обра-

зом, отец Джуссани в этой главе описывает истинный путь разума и привязанности, путь, который необходимо пройти каждому, кто хочет выйти из повсеместной ситуации самоочевидности.

Поэтому он начинает с вопроса: «Если эти конечные вопросы есть основа, ткань человеческого сознания, человеческого разума, то как они пробуждаются? Ответ на этот вопрос вынуждает нас выявить структуру реакции человека перед лицом реальности» (Ср. *Религиозное чувство*. С. 117). Отец Джуссани предлагает нам метод: «Если человек замечает образующие его факторы, наблюдая самого себя в действительности, то, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо наблюдать за динамикой человека при его столкнове-

нии [в его отношении] с реальностью, столкновении, приводящем в движение механизм, раскрывающий факторы» (*Там же*).

И добавляет основополагающее замечание. «Человек, который мало переживал столкновение с реальностью [как часто мы желаем избавиться от этого столкновения и избавиться от него своих детей!], например, потому, что ему редко доводилось встречаться с трудностями, будет слабо осознавать свое собственное сознание [это то самое «я», ко-

торое умалется, сходит на нет], в меньшей степени будет ощущать силу и биение своего разума» (*Там же*). В самом деле, именно в отношении с реальностью мы видим, как возрастает в нас осознание самих себя, сила и биение разума. Поэтому, если мы хотим избежать столкновения с реальностью, заменив его разговорами и комментариями, неизбежным следствием станет то, что пульс бытия не будет отзываться в нас.

Читая десятую главу, каждый из нас должен вглядываться в собственный опыт, в свою реакцию на вещи. Таким образом мы не будем заменять столкновение с реальностью нашими замечаниями к тексту и говорить об изумлении не изумляясь (замечу в скобках: это ужасно скучно, а кроме того бесполезно!). Первый пункт, который рассматривает отец Джуссани, – это именно изумление перед присутствием.

Море в Огункуите. 1914

2. ИЗУМЛЕНИЕ ПЕРЕД ПРИСУТСТВИЕМ

Что делает отец Джуссани в первую очередь, чтобы помочь нам увидеть существующие вещи как присутствие? Он разбивает призму самоочевидности, банальности, через которую мы смотрим на реальность. Как правило, мы смотрим на нее как на что-то само собой разумеющееся. Чтобы вытащить нас из этого плена, отец Джуссани предлагает нам напрячь воображение: «Представьте себе, что вы родились, вышли из материнского чрева в вашем нынешнем возрасте, на том же этапе физического и ментального развития, на каком вы находитесь сейчас. Каким бы было первое, самое первое ваше чувство, то есть первая реакция на все, что вас окружает?» (Ср. *Религиозное чувство*. С. 117)

Каждый из нас, следуя за отцом Джуссани, должен попытаться представить себя в такой ситуации. Самый простой способ это сделать – найти в собственном опыте момент, когда произошло нечто подобное. Об одном таком случае рассказал мне мой друг Алехандре, врач из Бразилии.

Летом в Ла Туиле он ходил на горную прогулку с группой студентов, говорящих на португальском языке (бразильцы, португальцы, мозамбиканцы и др.). По дороге Алехандре думал о том, что скажет, когда они придут на место: «Предложу им полюбоваться панорамой, спою несколько песен и т. п.» Но, как только они достигли вершины и оказались перед Монбланом, наступило молчание. Через некоторое время стало слышно, как подходит другая группа, в которой громко разговаривали. Наш друг тогда начал соображать, что он скажет, когда вторая группа воссоединится с первой: «Я попрошу их какое-то время соблюдать тишину». Пока он об этом размышлял, вторая группа поднялась на вершину, и присутствие Монблана подействовало и на них – они тоже остановились в молчании. Этот случай показывает, что образ, требующий усилий воображения (что было бы, если бы мы открыли глаза с сознанием взрослого человека), не является надуманным.

«Если бы я сейчас впервые распахнул глаза, выйдя из чрева моей матери, присутствие вещей повергло бы меня в безмерное изумление. Я был бы поражен существованием того, что на общепринятом языке называется словом “вещь”» (*Там же*). С тем же призывом обращается к нам Папа: «Как разум может вновь об-

рести свое величие, не впадая в иррациональное? Каким образом природа может вновь открыться в своей истинной глубине, сделать явными свои требования и установления? <...> Необходимо снова распахнуть окна, вновь увидеть широту мира, небо и землю» (*Бенедикт XVI. Выступление в Федеральном Парламенте. Берлин, 22 сентября 2011 г.*).

Как и для наших друзей, ходивших на прогулку в горы, для нас эти вещи не очевидны, о чем свидетельствует изумление, ими пробуждаемое. О многом говорит даже набор определений, которые использует отец Джуссани, описывая, какое действие вещи оказывают на нас: «охвачен», «поражен ответным ударом», «ошеломлен», «полон удивления и изумления».

«Бытие не как абстрактная сущность, а как присутствие – присутствие, которое не созидая, которое ставит меня перед фактом своего существования». Вот почему я могу смотреть на вещи как на присутствие. И это влечет за собой пробуждение человеческого «я» в каждом из нас. Все мы прекрасно знаем, к какому насыщенному переживанию реальности это приводит, насколько сильнее бьется наше сердце.

«Изумление, удивление перед лицом реальности, явленной мне как данность, перед присутствием, окружающим меня со всех сторон, стоит у истоков пробуждения человеческого сознания» (Ср. *Религиозное чувство*. С. 118). Я открываю в себе неведомую

прежде полноту – именно в силу «изначального опыта *другого*». «Ребенок переживает его [этот опыт] незаметно для себя, потому что не во всем отдает себе отчет; но взрослого, который не переживает и не воспринимает его как сознательный человек, нельзя и сравнить с ребенком – он словно омертвевший» (*Там же*). Мы понимаем, какую потерю понесла бы жизнь каждого из нас, если бы мы утратили способность к изумлению! Прав Хешель: «Лишенные изумления, мы остаемся глухи к возвышенному» (*Там же*). Теряем лучшее. И все надуманные развлечения, которые предлагает современное общество, нам этого лучшего не заменят.

«Следовательно, самое первое ощущение человека – это ощущение предстояния перед реальностью, которая не принадлежит ему, существует независимо от него и от которой зависит он сам» (*Там же*). Су- >>

В отношении с реальностью мы видим, как возрастает в нас осознание самих себя, сила и биение разума. Поэтому, если мы хотим избежать столкновения с реальностью, заменив его разговорами и комментариями, неизбежным следствием станет то, что пульс бытия не будет отзываться в нас

» ществует, есть! «В опыте это проявляется как исходное восприятие некоей данности. “Данное”, причастие прошедшего времени, подразумевает нечто “дающее”». Мне все дано, даровано. Можем ли мы хоть на миг представить, какой стала бы наша жизнь, если бы мы переживали все как «данность», как дар?

Одна моя подруга написала мне: «Дорогой Хулиан! Пишу тебе из больничной палаты, где лежит моя мама, которая сегодня утром перенесла небольшую операцию. Какое чудо этот день, начавшийся с ясного понимания, что ничто не самоочевидно! Мне казалось, что я «в прямом эфире» переживаю то, что описывается в десятой главе «Религиозного чувства». Когда маму под наркозом перевозили в операционную, я смотрела на нее с невыразимой нежностью – не только потому, что это моя мама, но и потому, что сегодня утром она пробудила во мне осознание, что самая большая и глубинная очевидность, которую я ощущаю, состоит в том, что я не творю себя сама, что не я сейчас даю себе жизнь, не я даю себе бытие, не я делаю себя такой, какая я есть – я сама являюсь *данностью!*» Сегодня утром было вовсе не самоочевидно, что моя мама будет мне дарована вновь и что я буду смотреть на нее как на дар!»

Но какое препятствие встречается на пути подобный взгляд? Как уже было сказано, мы воспринимаем данность как нечто само собой разумеющееся. И переступаем через тот факт, что вещи *есть, даются, существуют*. И из чего мы понимаем, что переступаем через него? В нас отсутствует изумление. К сожалению, этот взгляд на реальность глубоко сидит в нас. «Мы не привыкли смотреть на вещи как на присутствие». Поэтому так трудно встретить хоть одного человека, в котором отзывается пульс бытия!

Становится ясно, насколько важно, чтобы у нас вошло в привычку поведение, о котором говорит отец Джуссани: «В самом слове “данность” пульсирует действие другого, перед которым я пассивен; и именно эта пассивность образует мою первую активность – принимать, констатировать, признавать» (Ср. *Религиозное чувство*. С. 118). Первая активность – это пассивность,

вне которой я не осознаю данность, реальность как данность, как дар, который мне дается. Чтобы не потерять реальность в каждой ее детали, мы должны усвоить это указание: первая активность – это пассивность. Но нужно хорошо понять, о какой пассивности идет речь, чтобы, как всегда, не прийти к выводу, что делать ничего не нужно. Пассивность, о которой говорит отец Джуссани, состоит в том, чтобы «принимать, констатировать и признавать» реальность как нечто нам данное. Это полная противоположность тому, чтобы воспринимать ее как нечто само собой разумеющееся. И как мы поймем, что переживаем тот же опыт, о котором говорит отец Джуссани, а не просто повторяем его слова? По изумлению, пробуждению человечности в нас самих.

Присутствие обладает такой вынуждающей силой, что позволяет быстрее и проще заметить его, потому что «очевидность – это неоспоримое присутствие». Осознание неоспоримого присутствия! Обратите внимание, какое сжатое определение: «осознание неоспоримого присутствия». Это осознание не может сводиться к «холодной констатации факта», поскольку речь идет о чем-то «изумляющем, исполненном привлекательности», об «удивлении, пробуждающем в нас конечный вопрос». Религиозный вопрос.

Поэтому «религиозность рождается от привлекательности. Первое чувство – это ощущение привлекательности»; страх (которым часто объясняется появление религиозности) возникает лишь во вторую очередь. «Религиозность – это рождение и усиление привлекательности [бытия. Именно это нам необходимо: развитие влекущей силы бытия]. В удивлении перед вещами, свойственном любому истинному исследователю, присутствует изначальная очевидность: присутствие влечет меня – так запускается механизм поиска».

Какая необходима простота, чтобы позволить увлечь себя присутствию, которым приводится в действие механизм поиска! Если механизм не заклинивает и процесс не стопорится, то для объяснения этого присутствия необходимо обратиться к чему-то выходящему за его рамки. Но часто мы останавливаем поиск на

Если человек отрицает то, что находится внутри вещи, он отрицает саму вещь. И его разум, стоящий перед безграничным даром бытия, оказывается парализованным, застывшим. Внутри вещей словно содержится призыв, который не привносится субъектом извне, а должен быть им признан, ибо находится в самом присутствии. Поэтому первая интуитивная позиция человека – это изумление пред данностью

Маяк на холме. 1927

полпути, и это происходит всякий раз, когда раздается вопрос: почему для объяснения реальности нужно привлекать какую-то Тайну, какое-то «Ты», Бога? Мы задаем подобные вопросы, словно отсылка к иному фактору, превосходящему и вместе с тем пронизывающему все, что мы видим (фактору, находящемуся не вне, а в высоте и глубине вещей), – словно эта отсылка не находится в том, что мы видим, а создается нами. Конечно, она улавливается субъектом, но присуща объекту, вещи – она содержится в опыте об этой вещи.

Поэтому тот, кто, как истинный исследователь, исходя из того, что *есть*, не останавливается на полпути, не ограничивает свое любопытство, свое желание познать до конца, объяснить данность исчерпывающим образом, вынужден признать нечто иное как неотъем-

лемый фактор того, что *есть*. Поэтому в диалоге с Иовом Господь спрашивает: «Где был ты, когда Я полагал основание земли?» Или это ты породил реальность, которая изумляет тебя? «Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь?» (Иов 38, 4–5).

Все, что *есть*, вопиет о своей зависимости от Иного. Нет ничего более соответствующего, более созвучного природе человека, чем переживание принадлежности, ощущение изначальной зависимости. В самом деле, природа человека – его *созданность*, и его разум осуществляет себя в полноте, признавая то, что подразумевается внутри бытия вещей. Если человек отрицает эту отсылку, отрицает то, что находится за пределами вещи, он отрицает и саму вещь, опыт переживания ►►

» этой вещи, – в конечном итоге уничтожает ее. И его разум, стоящий перед безграничным даром бытия, оказывается словно парализованным, застывшим. Если человек отрицает то, что находится внутри вещи, он отрицает саму вещь. Внутри вещей словно содержится призыв, который не привносится субъектом извне, а должен быть им признан, ибо находится в самом присутствии. Поэтому первая интуитивная позиция человека – изумление пред данностью. Я прошу вас не воспринимать это как нечто само собой разумеющееся и не сводить опыт к размышлениям об опыте. Думать об изумлении не значит изумляться, равно как и мечтать о влюбленности не то же, что быть влюбленным. Поэтому отец Джуссани в четвертом пункте десятой главы, где говорится о зависимости «я», дает нам понять, действительно ли мы пережили опыт того, о чем он говорит, или просто последовали логике рассуждений, ни на миг не поддавшись при этом изумлению.

3. Зависимость «я»

«Человек, чье бытие пробуждено присутствием, привлекательностью и изумлением, человек благодарный и радостный, ибо это присутствие может быть благотворным и провиденциальным, осознает себя как “я” и вновь обретает изначальное изумление, глубиной которого определяется ценность, масштаб его личности» (Ср. *Религиозное чувство*. С. 123).

Доказательство того, что я ощутил в себе биение бытия, – это, во-первых, тот факт, что мое «я» пробудилось. Мы часто это констатируем: именно когда «я» человека пробуждается, можно сказать, что с ним что-то произошло (и мы сразу спрашиваем, что же случилось). Во-вторых, я благодарен и рад (как наш друг, пролежавший три месяца в постели после аварии). Я знаю, что бытие отозвалось во мне, поскольку переживаю благодарность, радость от этого присутствия. В-третьих, я осознаю себя – вплоть до того, что, в-четвертых, глубина изумления определяет масштаб моей личности. Обратите внимание, каков критерий меры нашей личности! Не университетские дипломы, не зарплата, не положение в обществе – ценность моей личности определяет глубина изумления, заставляющая меня осознать себя самого.

«В этот момент, – продолжает отец Джуссани, – если я внимателен, если проявляю зрелость, то не могу отрицать, что высшая и глубочайшая очевидность, ко-

торую я осознаю, состоит в том, что я не создаю себя сам. Не я даю себе бытие, не я даю себе реальность, которой являюсь, – я сам дан. Так происходит взрослое открытие себя самого как зависящего от чего-то иного» (*Там же*).

Каждый должен вдуматься, является ли для него это «я не создаю себя сам» высшей очевидностью. Для нас очевидны бутылка с водой и стакан, а вот то, что «я не создаю себя сам», не столь же очевидно, как стакан или бутылка. Об этом свидетельствует вопрос, который часто звучит на наших встречах: почему перед лицом реальности или моего «я» необходимо, чтобы я говорил «Ты»? Не пропущено ли здесь какое-то логическое звено?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно постараться проследовать за отцом Джуссани до самой глубины реальности, достичь ее истока. «Чем глубже я погружаюсь в самого себя, пытаюсь дойти до самого конца, тем яснее вижу, откуда проистекает. Не из себя – из *иного*. Человек воспринимает себя словно поток, рождающийся из источника. Существует нечто иное, превосходящее меня, из чего я происхожу». Далее приводится прекрасный пример: «Если бы поток, проистекающий из источника, мог думать, он ощутил бы в глубине своей прохлады некий неизвестный ему исток, отличный от него» (*Там же*).

Погрузиться в самого себя – это приглашение к истинному, устойчивому использованию разума, которое только и позволит преодолеть разрыв между признанием и привязанностью. Наши затруднения свидетельствуют лишь о том, что мы не привыкли к полному, позитивистскому использованию разума. Наше неумение идти до конца заставляет думать, что нам предлагается некая ментальная операция, усложнение, надуманность и что в итоге «Ты» – плод наших усилий. Насколько при этом недооценивается наше «я» и разум! До какой степени непричастно к этим размышлениям наше «я»! Как не привыкли мы к подобающему использованию разума! То же самое мы видим, изучая математику: чтобы не допустить ошибку, мы следуем строгому алгоритму. Каким искусственным он нам кажется! Но мы думаем так только с непривычки. А когда материал усвоен, процесс ускоряется, становится динамичным и захватывающим. Другой подобный пример – когда человек начинает учиться

Тот, кто пользуется разумом не в усеченном виде, а в полной мере, начинает понимать, что, если он стоит на ногах, то потому, что создается Иным. И его жизнь обретает стабильную точку опоры, укрепленную благодаря связи разума с истоками всей реальности

игре на фортепиано. Пальцы кажутся загипсованными... Но какое наслаждение, когда те же пальцы, легкие и подвижные, позволяют нам насладиться музыкой Моцарта!

Но нам не хватает терпения, чтобы проделывать работу, к которой нас постоянно призывает отец Джуссани. Все кажется надуманным, усложненным. И мы подменяем разум чувством: если я что-то чувствую – значит, оно существует, если не чувствую – нет. Вот оно, наше хваленое «логическое» познание! На данном этапе пути каждый должен решить, стоит ему следовать за отцом Джуссани, погружаясь до глубины самого себя, или не стоит. Но мы не привыкли совершать этот путь и предпочитаем заниматься чем-то другим (читать тексты, повторять фразы), вместо того чтобы учиться использовать разум так же, как он. И насколько часто нас охватывает искушение сбежать! Поэтому мы остаемся в смятении, в неуверенности, и словно тонем в потоке чужих мнений и представлений.

Только тот, кто следует по пути, который предлагает отец Джуссани, и действительно входит в отношение с реальностью, ощутит в себе пульс Бытия – подобный тому трепету, что охватывает наше «я» перед любимым человеком. Когда человек произносит «Ты», он может услышать в себе биение, которое вызывает в нем присутствие его любимой! Какое возмущение почувствовал бы любой из нас, узнав, что это биение сводится к мыслительным операциям! Так же невыносимо было бы видеть, как дорогого нам человека уничтожает холодный посторонний взгляд.

Все сущее обладает природой знака. Поток является знаком источника. Познать значит принимать необходимость пути, ведущего к источнику. Это истинное, не урезанное использование разума.

Если бы человек говорил «я» с полным осознанием происходящего, видя, как ему даруется бытие (и сияние, которым наполняется его жизнь благодаря присутствию любимой, по сравнению с этим даром лишь слабый отблеск), то с каким биением он должен был бы

сказать: «Я есть Ты, творящий меня!» Отец Джуссани подтверждает: «Об этом источнике, превосходящем меня, я не могу помышлять без трепета и тяги к нему». Но часто для нас слово «Ты» лишь пустой звук. Понимаете, что мы теряем? Мы это знаем, но знания не достаточно, чтобы так происходило. Только воспитание может изменить нашу жизнь. Этот трепет – не сентиментализм, а «суждение, которое влечет за собой мою чувствительность», взволнованное сознание взрослого человека перед лицом «Ты», дающего мне Бытие. Поэтому Папа говорит, что «Церковь открывается миру не для того, чтобы вовлечь людей в организацию, претендующую на власть. Ее цель – помочь им стать самими собой и привести их к Тому, о Ком каждый сможет ска-

зать вслед за блаженным Августином: “Он ближе мне, чем я сам” (Ср. *Исповедь*. 3,VI, 11)». (*Бенедикт XVI. Выступление перед католиками, занимающими должности в Церкви и обществе. Фрайбург, 25 сентября 2011 г.*)

В самом деле, для того, чтобы разум был способен к привязанности, он должен быть разумом в полном смысле этого слова, то есть проникать до самой глубины, достигать реального «Ты», из которого я произтекаю; он не должен

быть слабым. Если разум не достигает реальности, привязанность остается оторванной, шаткой; она неспособна заживить разделение между признанием и привязанностью. Разум – это не аналитическая ясность, а связь с реальностью. Именно поэтому отец Джуссани говорит, что Иоанн и Андрей были истинно разумными – потому что они были притянуты, захвачены событием. Действительно, если разум не достигает реальности и не привязывает к ней нас, мы продолжаем колебаться в неуверенности. «Митинг» нынешнего года подтвердил это на разных уровнях. Профессор Эудженио Маццарелла, комментируя выступление Костантино Эспозито на «Митинге», заметил: «Мы приходим в мир, мы помещены в наше бытие, Кем-то <...>, Кто является и остается нашим изначальным “запасом” уверенности. Поддерживать живой >>

Офис в маленьком городе. 1953

» эту уверенность, *оживлять* ее в повседневности и в каждом моменте значит *вновь обретать себя* в изначальной связи с Тем, Кто образует нас и является истинным источником уверенности» (Интервью, данное *ilsussidiario.net*, 19 сентября 2011 г.).

Так становится очевидным, каково принципиальное отличие между тем, чтобы повторять «Я-есть-Ты-творящий-меня» как слоган (сколь угодно правильный) и произносить «я» с осознанием Иного, Который творит меня сейчас! Если вы не можете сказать «Ты» с тем же чувством, с тем же биением, как когда вы впервые осознали свою влюбленность, находясь перед лицом дорогого человека, вы не можете даже представить то, про что говорит отец Джуссани. О каких усложнениях, измышлениях может идти речь?! Понять, в чем разница, можно из того, что происходит с нами. В первом случае, если я повторяю «Я-есть-Ты-творящий-меня» как слоган, не происходит ничего; если же, напротив, я говорю «Ты» с сознанием Иного, творящего меня сейчас, я не могу избежать безграничной взволнованности; не могу не видеть, как рождается во мне привязанность к этому «Ты», и в то же время я открываю в себе бесконечную благодарность, ибо Он есть. Какой путь еще необходимо пройти, чтобы переживать реальность в той полноте, о которой свидетельствует нам отец Джуссани!

«Когда я обращаю взор на самого себя и чувствую, что не создаю себя сам, тогда я не могу не обратиться к Тому, Кто меня создал, Источнику, из которого я происхожу в этот момент, не употребив слово “ты”, с сознательным трепетом, исполненным привязанности, буквально пронизывающей это слово. “Ты, творящий меня” – это то, что религиозная традиция называет Богом, это то, что превыше меня, что есть более меня, более, чем я сам, то, из-за чего я существую» (Религиозное чувство. С. 123). И это не просто слова! Бог – Отец, ибо зачинает меня в каждый момент, зачинает меня сейчас. Вне этого *сейчас* нет ничего! Нет другого такого отца, родителя. Мы пели: «Когда я замечаю, что Ты есть, я

вновь слышу свой голос, как эхо, и возрождаюсь, как время из воспоминаний» (*Il mio volto*. Цит. по: *Песенник*. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 153).

«Глубинное самосознание чувствует в глубине себя Иного. Это и есть молитва: глубинное самосознание, сталкивающееся с Другим. Таким образом, молитва – это единственное человеческое действие, в котором полностью реализуется величие человека» (Религиозное чувство. С. 124). Насколько отличается эта позиция от пиетизма и формализма, к которым мы так сводим молитву! Совершенно понятно, что от такой молитвы мы устаем и пытаемся ее избежать. Но тот, кто ее не избегает и обретает глубинное самосознание, кто пользуется разумом не в усеченном виде, а в полной мере,

начинает понимать, что, если он стоит на ногах, то потому, что опирается на Иного, созидается Иным. И его жизнь обретает стабильную точку опоры – не чувственную, зыбкую, повинующуюся состояниям души, а укрепленную благодаря связи разума с истоками всей реальности.

Друзья, давайте поможем друг другу, однажды услышав эти вещи, не сводить их к чему-то само собой разумеющемуся! «Подобно тому как мой голос есть отголосок

вибрации внутри меня, если вибрация прекращается, голос смолкает. Подобно тому как ключевая вода целиком зависит от источника. Подобно тому как цветок целиком зависит от силы корня» (Там же). Голос, ключ, цветок... отец Джуссани пользуется этими образами, чтобы помочь нам преодолеть самоочевидность, банальность. Поэтому, если я говорю: «Я есть», при целостности моей личности это может означать только: «Я создан». Отец Джуссани добавляет, что от этого «зависит конечная уравновешенность жизни».

Из чего видно, что в человеке есть эта уравновешенность? Из того, что он «дышит полной грудью, чувствует себя нормально и радостен, когда признает, что им кто-то обладает». Поэтому «истинное самосознание подобно ребенку на руках у отца и матери» (Там же). Мы можем видеть, что это становится и нашим опытом, поскольку

Офис в Нью-Йорке. 1962

ку способны входить в любую ситуацию, в любые обстоятельства, в самую крошечную темноту, как дети – с «глубоким спокойствием и радостью». «Нет терапевтической системы, которая могла бы на это претендовать» (*Религиозное чувство. С. 124*). Только из-за того, что мы не обретаем истинного самосознания, нам приходится обращаться к терапевтическим системам, которые, не будучи в состоянии решить проблему на нужном уровне, калечат человека: часто для того, чтобы успокоить отдельные раны, игнорируют человека в его человечности. Отличное решение, ничего не скажешь!

Для всех очевидно значение того, о чем мы говорим, перед лицом вызова обстоятельств, которые мы призваны переживать. Только уверенность, укорененная подобным образом, позволит нам созидать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Каков путь постижения конечного смысла реальности? Жить реальностью» – прямо говорит нам отец Джуссани. Из этих слов становится очевидной роль реальности в нашей жизни.

Единственное условие, которое позволит нам быть всегда действительно религиозными, то есть людьми (не образчиками благочестия, а людьми!), – непрерывно жить полной реальностью. Поэтому человек, в полноте переживающий реальность, будь это крестьянин или домохозяйка, может знать о ней больше, чем любой ученый, потому что путь постижения смысла реальности – жить ею без ограничений, ничего не отвергая и не забывая.

Но что значит жить реальностью? В конце главы отец Джуссани дарит нам еще одну жемчужину: «Было бы бесчеловечно, то есть неразумно, рассматривать опыт ограниченно, поверхностно, оставаясь на гребне его волны, не погружаясь туда, откуда она рождается» (*Ср. Религиозное чувство. С. 126*). Это тот самый позитивизм, который «господствует над мировоззрением современного человека» и «исключает стремление к поиску смысла, порождаемого в нас изначальной взаимосвязью с реальностью. <...> Позитивизм исключает призыв к познанию смысла, идущий именно от изначального и непосредственного столкновения с окружающей реальностью» (*Там же, с. 126–127*). Папа в Германии использовал яркую метафору: «Позитивист-

ский разум, претендующий на исключительность и при этом неспособный воспринимать то, что не описывается понятием практичности, подобен железобетонным зданиям без окон, где мы искусственно создаем свет и климат, не желая получать их из безграничного мира Божия» (*Бенедикт XVI. Выступление в Федеральном Парламенте. Берлин, 22 сентября 2011 г.*).

Как мы понимаем, что нами руководит позитивистский настрой? Мы задыхаемся в своих железобетонных зданиях. Отец Джуссани предлагает нам все характеристики, позволяющие определить, что за опыт мы переживаем. Можно изобретать все новые и новые интерпретации его слов, но если обстоятельства удушают нас – значит, в нас сидит позитивизм. Чтобы вновь начать дышать полной грудью, нужно снова, как говорит Папа, «распахнуть окна», «увидеть широту мира, небо и землю» и – словами отца Джуссани – не гасить тот «призыв к познанию смысла, обращенный к нам в силу изначального и непосредственного столкновения с окружающей реальностью» (*Религиозное чувство. С. 127*).

Поэтому «чем в большей степени человек осознает свое отношение с реальностью на том уровне, который мы описали, тем глубже переживает он свое взаимодействие с ней и тем в большей степени начинает познавать нечто от тайны» (*Там же*).

Это требует от каждого труда, в котором никто не может нас заменить. Заканчивая главу, отец

Джуссани призывает нас осознать, что «препятствием для подлинного религиозного измерения <...> является недостаточно серьезное отношение к реальности, самый яркий пример которого – предвзятость», то есть, по сути, идеология, суженное мировосприятие – столь характерное для нашего времени. «Мир подобен слову, *logos*, которое отсылает, обращает к чему-то иному, превосходящему его, более высокому». Поэтому слово «аналогия» в сжатом виде описывает всю динамику взаимодействия человека с реальностью.

Какое захватывающее приключение, друзья мои! Прожив его до конца, мы сможем свидетельствовать другим о разуме, способном признавать реальность во всей ее глубине, – единственном созидательном начале в наши времена, когда все противостоит подъему общественной жизни. Это наш вклад в историю. >>>

Какое захватывающее приключение, друзья мои! Прожив его до конца, мы сможем свидетельствовать другим о разуме, способном признавать реальность во всей ее глубине, – единственном созидательном начале в наши времена, когда все противостоит подъему общественной жизни. Это наш вклад в историю

**ПРОПОВЕДЬ ВО ВРЕМЯ СВЯТОЙ МЕССЫ
О. ХУЛИАН КАРРОН**

Сегодняшние чтения показывают нам, что научиться тому пути, о котором мы говорили, важно не только для отношения с реальностью вообще, но и с самой реальной реальностью христианского события – Христом. Действительно, мы можем лицом к лицу столкнуться с предпочтением Тайны и не осознавать этого.

В Литургии множество напоминаний об этом избрании, об этом предпочтении: «Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его» (Ис 5, 7). В чем проявляется это предпочтение? В том, что Бог «обнес его оградой, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило» (Ис 5, 2). Он окружил Израиль особым предпочтением, и не только в самом начале: как говорит Евангелие, Господь посылал пророков, послал даже Сына, чтобы заботиться о нем, но работники Его не приняли, не поняли, какое им оказано предпочтение, какой им предложен дар (Ср. Мф 21, 33–43). А когда мы не осознаем дар реальности, который получаем от Тайны, мы видим, как умножаются беды. Действительно, что происходит, когда дар отвергнут? «Земля будет попираема и будет опустошаема, и зарастет тернами и волчцами» (Ср. Ис 5, 5–6). Жизнь вырождается в пустыню, все становится плоским, все снова становится серым.

Благодаря тому, что Церковь использует эти притчи из книги пророка Исаяи и из Евангелия в Литургии, они сохраняют актуальность и напоминают нам, что теперь виноградник Господа – это мы.

Господь создал Церковь, Он заботился о ней, Он искупил ее ценой крови Своего Сына. Мы можем сказать: «Это мы – избранный виноградник». Бог не оставляет Своей народ и, как в прошлое воскресенье напомнил нам наш архиепископ, продолжает посылать нам вестников, «свидетелей», которые заботятся о винограду, чтобы он не превратился в пустыню. Но часто мы не просто отказываемся признавать пророков, как народ Ветхого Завета, но отвергаем и Сына. «Христос, – сказал нам архиепископ, цитируя Джованни Баттиста Монтини, – неизвестен, забыт, отсутствует в большинстве сфер современной куль-

туры». И из-за этого люди «больше не могут видеть, что Он соответствует их жизни и жизни их близких» (А. Скола. *Проповедь по случаю прибытия в архиепархию. Милан, 25 сентября 2011 г.*).

Сам Папа – еще один вестник – напомнил нам об этом во время поездки в Германию: «Мы констатируем, что значительная часть крещеных все больше дистанцируется от жизни Церкви» (*Бенедикт XVI. Выступление перед католиками, занимающими должности в Церкви и обществе. Фрайбург, 25 сентября 2011 г.*). И еще: «Подлинный кризис Церкви в западном мире – это кризис веры» (*Бенедикт XVI. Выступление перед Центральным комитетом католиков Германии. Фрайбург, 24 сентября 2011 г.*). Мы видим, что события, описанные в притче, продолжа-

ют происходить: мы тоже можем отвергнуть всех посланников и даже Сына. Мы видим следствия этого в нас самих и в общественной жизни. Как выразился кардинал Скола, «массовый отход от христианства неизбежно наносит тяжкий вред личной и общественной жизни в Церкви и гражданском обществе» (А. Скола. *Проповедь...*). Но Господь и сейчас продолжает посылать нам свидетелей: это и Папа, и наш архиепископ, и множество людей рядом с нами, чья жизнь изменилась. Через них Христос продолжает призывать нас, привлекать к Себе, чтобы наш виноградник не превратился в пустыню, но приносил плоды.

Потому что, как сказал Папа, «обновление Церкви, в конечном счете, может произойти только через готовность к обращению и через обновленную веру» (*Бенедикт XVI. Проповедь во время Святой Мессы. Фрайбург, 25 сентября 2011 г.*). Обратиться значит строить на камне, который отвергнут другими и который мы тоже иногда отвергаем, значит строить на Господе, потому что Он, как сказал Папа, «близок нам, и Его сердце волнуется о нас, склоняется над нами. <...> Он ждет нашего «да» и, можно сказать, молит о нем» (*Там же*).

Перед Христом, Который молит о нашем «да», решается сегодня наша жизнь. «Чтобы явить Себя людям, Христос пожелал нуждаться в людях» (А. Скола. *Проповедь...*), – напомнил нам архиепископ. Бог нуждается в нас, мы призваны сотрудничать в Его миссии, чтобы свидетельствовать, что Он – единственный камень, на котором можно строить. □

**Господь продолжает
посылать нам свидетелей:
это и Папа, и наш
архиепископ, и множество
людей рядом с нами, чья
жизнь изменилась. Через
них Христос продолжает
привлекать нас к Себе,
чтобы наш виноградник
не превратился в пустыню,
но приносил плоды**